

348 К. МАРДЖАНИШВИЛИ О А. М. ГОРЬКОМ

В беседе с грузинскими писателями, в июле 1928 г., Алексей Максимович Горький выражал сожаление, что в этот раз ему не удастся увидеть работу нового грузинского театра, руководимого замечательным мастером сцены К. Марджанишвили.

Когда я рассказал об этой беседе К. А. Марджанишвили, он восторженно заговорил о своей дружбе и привязанности к Горькому.

Позднее, при изучении жизни и творчества Марджанишвили, было найдено много документов, говорящих о его долголетней дружбе с великим пролетарским писателем.

Первая пьеса Горького «Мещане» появилась в 1902 году. К. Марджанишвили работал тогда актером в Уфимском драматическом театре и выступил в премьере «Мещане», 17 октября. Марджанишвили играл роль Нила, Уфимская газета, касаясь большого успеха спектакля, особо отмечала талантливую игру артиста: «Марджанишвили в роли Нила уже с самого начала настолько слился с изображаемым им лицом, что дал вполне живой образ».

Образ Нила глубоко заинтересовал Марджанишвили. Слова: «Права не дают, права берут... Человек должен сам себе завоевывать права, если не хочет быть раздавленным» и протест против узкой мещанской жизни зажгли молодого Марджанишвили.

Через год, в Иркутске, Марджанишвили выступает уже в качестве режиссера-постановщика горьковских пьес — «Мещане», «На дне». «Режиссер с большой любовью отнесся к пьесе, сумел дать прекрасную массовую сцену в 3-м действии», — отмечала пресса о постановке «Мещане».

К. Марджанишвили был бесконечно рад появлению свежих, идейно-насыщенных пьес Горького и серьезно, вдумчиво работал над сценическим воплощением его образов и идей. В 1904 году, 24 января, в бенефис Марджанишвили, в Иркутском театре шла пьеса «На дне». Эта пьеса ставилась им в Перми летом того же года.

Алексей Максимович Горький познакомился с К. А. Марджанишвили летом

1904 года в Старой Руссе, где тогда работал театр Незлобина.

«Странно обаяние Горького, — писал К. Марджанишвили, вспоминая о первой встрече с Горьким, — этот по виду хмурый, по речи как будто грубый человек, после двух фраз, сказанных собеседнику, очаровывал последнего и уже никогда не забывался. Я проверил это чувство на себе в 1921 году, когда последний раз встретился с Алексеем Максимовичем и был также влюблен в него, как и в первое знакомство. Я написал — влюблен — и не могу заменить этого слова... Хочу, чтобы каждый, кому случайно попадут в руки эти записки, знал, что без волнения говорить об этом человеке я не могу».

Между режиссером и драматургом завязалась тесная дружба. Горький ценил Марджанишвили, ценил его режиссерский талант.

«Помню, — говорит Марджанишвили, — я был на одной из репетиций «Красной мантии», которую ставил Незлобин и в которой Мария Феодоровна (жена А. М. Горького) и сам Незлобин играли главные роли. Меня не удовлетворило толкование их ролей и, когда они спросили о мнении, я, немного конфузясь, высказал им свои соображения. Разбор пьесы увлек меня, я не заметил, как вокруг спрудились все труппа, подошел и Горький. Я кончил, и вдруг Алексей Максимович обратился ко мне: «А вы бы взяли и переставили пьесу!». Горький, Максим Горький, которого боготворила вся молодежь, чувство преклонения перед которым радовало меня, Горький поверил мне!... У меня кружилась голова».

Пьесу передали Марджанишвили — корректировать и внести в нее нужные поправки.

«В Старую Руссу к Горькому было целое паломничество. Каждый писатель, сделавший новую вещь, приезжал к Алексею Максимовичу прочитать ее», — пишет Марджанишвили. В доме Горького он сблизился с Леонидом Андреевым, А. Блоком и другими.

В 1904 году в Риге, в театре Незлобина, Марджанишвили осуществил постановку

пьесы Горького «Дачники» под наблюдением самого автора. Марджанишвили, уже зрелый режиссер, создал прекрасную постановку, по поводу которой в рижской прессе писали: «На редкость красивую и старательную постановку сцен Горького мы видели вчера в русском театре».

В 1905 году Марджанишвили был приглашен на императорскую сцену. Но после встречи и разговора с Горьким он отклонил это предложение.

★ ★ ★

После «Кровавого воскресенья» — 9 января 1905 года, Горький был арестован в Риге. Этот эпизод из жизни Алексея Максимовича интересно описан в записках К. Марджанишвили:

«Помню хорошо арест А. М. Горького после 9 января. Алексей Максимович только что вернулся из Питера и привез с собой часть реликвий после расстрела разбичих К. нему нагрянули жандармы, но во время обыска старый слуга Марии Феодоровны (жены Горького. — П. К.), позабыл, как звали этого старика, успел бросить в топившуюся печь все реликвии и в том числе красное знамя, кажется, Выборгского района. Ничего не подозревая о том, что творилось на квартире у Горького, я зашел к Алексею Максимовичу. На мой звонок мне открыл дверь жандарм и попросил «пожаловать». В кабинете, кроме А. М., я застал Строганова, который так же, как и я, попал сюда нечаянно. Я поздоровался с Горьким, и он сказал мне, указывая на жандармского полковника, возившегося у его письменного стола: «Видите, красоты неприкосновенности жилищ!». Алексей Максимович был спокоен, но сердит, а жандарм как-то подло вежливо, — он как раз в это время вытаскивал какое-то письмо из конверта и, искоса взглянув на меня, обратился к Горькому: «Вы позволите?». Алексей Максимович буркнул: «И чего спрашиваете? Все равно без разрешения прочитаю!», и вышел в столовую, где ему приготовлен был завтрак. Долго, нудно тянулось тщательный обыск. Нас, т.-е. меня и Строганова, не отпускали. Наконец, когда уже стемнело, Строганов обратился к жандармскому офицеру и сказал, что у него спектакль, ко-

торый без него идти не может. Тогда полковник заявил нам, что, если мы дадим ему честное слово, что никому не скажем о том, что тут происходит, он сейчас же нас отпустит. Я отказался дать такое слово, и меня задержали, а Строганов отправился в театр. Прошло еще около часа, и Алексея Максимовича увезли. Жандармы ушли. Получив свободу, я побежал в грузинское землячество Рижского политехникума и рассказал находившимся там студентам об аресте Горького...».

В марте 1905 года рижский театр поехал на гастроли в Москву. Повезли «Дачников» в постановке Марджанишвили. Спектакли шли в «Интернациональном театре» с 7 по 18 марта. В первый же день все билеты на объявленные десять спектаклей были проданы. На премьеру собралась вся художественная Москва: критики, режиссеры, артисты, писатели, художники, композиторы. Спектакль имел необычайный успех. Горький в это время жил в Финляндии, без права выезда. К. Марджанишвили вспоминает эти застрели: «Антракт — ничего не помню... вызовы, овации, рукопожатия, поцелуи; пришел в себя только в кабинете, куда пришел знакомиться со мной Станиславский, Немирович-Данченко, Южин, артисты, критики... Поздравления, похвалы и удивления тому, что провинциальный театр мог показать Москве такой спектакль».

После спектакля, по просьбе зрителей, Марджанишвили послал Горькому восторженную поздравительную телеграмму.

Талантливый режиссер великолепно понимал характер и идею драматургии А. М. Горького и в своих постановках подчеркивал то, что было основным для автора.

Последнюю свою постановку пьесы Горького «На дне» Марджанишвили создал в ознаменование сорокалетнего юбилея великого пролетарского писателя в ноябре 1932 года, в Тбилиском русском театре.

К. Марджанишвили знал, что главная тема Горького, как писателя, — человек. «Все в человеке, все для человека». И слова Горького — Сатина: «Человек — это звучит гордо», гордо и по-новому зазвучали в этой постановке.

Д. КЕШЕЛАВА

*) Пьеса Эжена Брие.